

ПЕРЕПИСКА КН. Д. И. ДОЛГОРУКАГО

Кн. Д. И. Долгорукий брату.

Я долженъ просить у тебя тысячу извиненій, милый другъ! Я получилъ всѣ твои письма, одно милѣе другаго, а въ первый разъ извѣщаю тебя объ этомъ. Г-нъ Дурново, уѣзжающій послѣзавтра, привезетъ тебѣ мой портретъ, который я тебѣ дарю. Чайльдъ Гарольда ты можешь оставить у себя, на сколько тебѣ вздумается, а также и поэму, изъ которой ты узнаешь много новаго. Итакъ, запасись терпѣнiемъ еще на одинъ день.

Пишу тебѣ уже въ мундирѣ, потому что сегодня первый день Пасхи, и я отправляюсь въ соборъ св. Петра посмотрѣть, какъ Папа будетъ служить обѣдню. Небу не было угодно, чтобы мы вмѣстѣ встрѣтили этотъ праздникъ, но, можетъ быть, оно чѣмъ нибудь другимъ вознаградитъ насъ за это. Я чувствую себя великолѣпно. Желаю тебѣ такого же хорошаго здоровья, какъ мое.

Воскресенье.

Чтобы доставить вамъ особое удовольствiе, дорогой другъ, могу сказать, что нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ Италинскій, въ письмѣ къ Нессельроде, написанномъ по настоянiю Гагарина, который хотѣлъ такимъ образомъ тоже поухаживать за Нессельроде, отказался отъ своей должности во Флоренціи и попросилъ, чтобы въ этомъ городѣ Сверчкова сдѣлали независимымъ отъ Рима посломъ.

Это частное письмо старика до сихъ поръ не имѣло никакихъ послѣдствій, потому что покойный Императоръ никогда не хотѣлъ, чтобы во Флоренціи былъ посоль. Такъ видишь, что поле сраженія осталось цѣликомъ за Гагаринымъ. Теперь выслушай мой планъ. Я только

что получилъ отъ графини Нессельроде письмо, въ которомъ находится такая фраза: „Повѣрьте, князь, что *о васъ думаютъ* (подчеркнуто). я надѣюсь, что въ теченіе этого лѣта, вы окончательно въ этомъ убѣдитесь“.

А такъ какъ я ей буду писать, то если ты хочешь получить мое мѣсто и избавиться отъ маленькаго городка, Флоренціи, и отъ высококомѣрія Гагарина, я буду просить его для тебя, потому что—честное слово—Флоренцію стоитъ промѣнять на Римъ, кромѣ того, твои денежные дѣла здѣсь поправятся, и, наконецъ, здѣшнее посольство имѣетъ будущее.

Въ настоящее время я нахожусь въ большой милости у своего начальника, который день и ночь твердитъ мнѣ о томъ, что онъ недоволенъ Нессельроде. Повидимому у старика есть долги, и онъ не знаетъ, какъ выйти изъ затрудненія!

Я восторгаюсь успѣхомъ своихъ депешъ о смерти Александра, и убѣжденъ, что въ первый же разъ, какъ будемъ представлены, мы безъ всякаго затрудненія получимъ все, о чемъ просили. Но когда? и какимъ образомъ? Чортъ знаетъ!

Возвращеніе гр. Коссаковскаго было мнѣ очень полезно, потому что кузина прислала мнѣ съ нимъ 1500 франковъ, о которыхъ ты ее просилъ; но что мнѣ было очень тяжело, такъ это то, что при этомъ она не удостоила написать мнѣ ни одного слова, а поручила Коссаковскому передать мнѣ деньги въ письмѣ, всѣ выраженія и обороты котораго носятъ характеръ официальной записки. Мнѣ было очень грустно въ тотъ день, когда получилъ эту сумму, и, кто знаетъ, стоитъ ли брать деньги безъ особой нужды, при тѣхъ денежныхъ затрудненіяхъ, въ которыхъ я нахожусь? У кузины, несмотря на то, что она невысоко цѣнитъ людей, слишкомъ добрая душа для того, чтобы она могла уступить вліянію ума, и я не могу понять, да это и было бы слишкомъ тяжело, какъ только рѣшилась она поступить такимъ образомъ.

Но довольно объ этомъ; Смотря по обстоятельствамъ, мы часто разсуждаемъ сердцемъ, и тому, кто никогда не былъ обѣденъ, не суждено узнать всей глубины человѣческаго сердца.

Голицыны чудесные ребята, и насколько я могъ наблюдать, какъ они держатъ себя въ свѣтъ, они умны, но молоды, у нихъ слишкомъ юношескіе взгляды; сразу видно, что они ни о чемъ серьезно

не размышляли. Они уѣдутъ черезъ недѣлю, потому что, несмотря на то, что разлука охлаждаетъ любовь, Мишель повидимому еще достаточно сильно любитъ глупую Бомбелль. Альбини, ищущій *прежде всего* своей собственной выгоды, на первомъ планѣ ставитъ здоровье Мишеля, но они черезчуръ молоды и смотрятъ на него, какъ на воспитателя, котораго нужно стыдиться и поэтому часто ставятъ его въ глупое положеніе. Въ концѣ концовъ вы знаете все это лучше меня.

Мы не на шутку составили планъ совмѣстнаго путешествія на югъ Франціи, и я поѣхалъ бы съ радостью, если бы не предпочли Гагарину дать отпускъ.

Г-жа де Сентъ-Олеръ уѣзжаетъ изъ Рима завтра, мы растаемся, какъ истинные друзья, увѣряю тебя, что это очень интересная женщина, настолько умная, добрая и привѣтливая, насколько это вообще возможно.

Орловъ добрый малый, онъ отчасти ударился въ либерализмъ. между тѣмъ, какъ я громко заявляю о своей преданности престолу. Кромѣ того, мы находимся въ столь счастливыхъ условіяхъ, что не можемъ возбудить ни малѣйшаго подозрѣнія относительно тѣхъ чувствъ, которые исповѣдываемъ.—Мнѣ очень хочется пріѣхать во Флоренцію, повидаться съ тобой, но я заранѣе предвижу, что это не удастся. Возвращаю тебѣ письмо изъ Москвы, на этотъ разъ оно удовлетворительно и довольно подробно. Очевидно Поль находится въ большомъ затрудненіи, а его женитьба похожа на сухое дерево, не дающее плодовъ.—Отъ Италинскаго князь Гагаринъ получилъ полномочія говорить о своихъ частныхъ дѣлахъ и о дѣлахъ посольства, а такъ какъ эти полномочія даны ему письменно, то боюсь, что это можетъ намъ дорого обойтись, хотя я и не вполне убѣжденъ, что онъ можетъ поступить такъ дурно.....

Но этого не слѣдовало бы дѣлать. Сегодня у насъ большой *патріотическій* обѣдъ на 25 кувертовъ, на немъ Корсакова будетъ играть первую роль, потому что въ настоящее время она единственная въ Римѣ русская дама. Орлова больна.

Увидишь Гагарина, сдѣлай мнѣ одолженіе, подробно сообщи все, что онъ будетъ говорить обо мнѣ. Прощай, милый другъ. будь здоровъ.

Между прочимъ В. въ моемъ присутствіи попробовалъ получить для тебя разрѣшеніе пріѣхать на нѣсколько дней въ Римъ, чтобы повидаться съ мной. Просьба не имѣла успѣха.

Князь Гагаринъ ровно ничего не угадалъ. Конечно г-жа Сентъ-Олэръ—предметъ моего восхищенія, но я никогда не былъ въ нее влюбленъ. Письмо, написанное Дурново, то содержанію своему можетъ быть разсматриваемо, какъ обвиненіе въ молчаніи, и я надѣюсь, что ты остался имъ доволенъ.

Здѣсь предполагають, что это ты влюбленъ, и въ нѣсколькихъ особъ сразу? Корсакова притворяется ученой, а ея дочери—наивными. Съ такимъ состояніемъ это можно себѣ позволить! Я чувствую, что обращаюсь съ ними чрезвычайно недружно. но что подѣлаешь! Ихъ дородность располагаетъ меня къ этому. Голицыны уѣзжаютъ изъ Рима въ началъ будущей недѣли. Но не прїѣдутъ ли они слишкомъ поздно, чтобы соблюсти приличія? Для нихъ создадутъ особыя. Я поддерживаю въ нихъ старый образъ мыслей; они противятся; но мои убѣжденія лишь крѣпнуть изъ этого. Они меня тронули: хотять, чтобы я вмѣстѣ съ ними ѣхалъ во Францію: я даю неопредѣленные обѣщанія. Это невозможно, подумать объ этомъ было бы безуміемъ. Они хотять утащить меня во Флоренцію, это не невозможно, но очень трудно, необыкновенно трудно. Мнѣ очень хочется посмотрѣть твои новые покои. У меня въ комнатѣ—солнечный лучъ. Лучъ надежды!—

Я чувствую себя великолѣпно, но сильно тоскую. Г-жа де Капельянъ лежитъ въ постели. Она вовсе не такъ очаровательна, какъ могла бы быть.

Четвергъ. 30 Марта.

Мнѣ было совѣстно слишкомъ обременять посылками Дурново, и это помѣшало мнѣ, достойный другъ, прислать тебѣ съ нимъ мой портретъ, который до такой степени похожъ, какъ только можно этого желать. Провидѣнію угодно, чтобы Голицыны доставили его тебѣ, они уѣзжаютъ завтра, рано утромъ, но мой планъ—уѣхать вмѣстѣ съ ними. увы! не осуществился. Мишель, тотчасъ по прїѣздѣ во Флоренцію обѣщалъ прислать мнѣ кое-какія книги, а Теодоръ пришлетъ мнѣ изъ Ливурно портфель.

Сдѣлай одолженіе, постарайся переслать ихъ поскорѣе. Моя библиотека увеличивается съ каждымъ днемъ, недавно я получилъ въ подарокъ отъ секретаря прусскаго посольства мемуары Манштейна о Германіи.

Но съ другой стороны, мое собраніе автографовъ не двигается съ мѣста. Вчера, мы посѣтили богослуженіе (Te Deum), гдѣ, по слу-

чаю выздоровленія австрійскаго императора, присутствовалъ самъ папа. Храмъ былъ украшенъ замѣчательно хорошо, но скопцы пѣли очень плохо. Корсакова смертельно скучна. Теперь я предлагаю тебѣ одну сдѣлку, требующую большой ловкости. Ты знаешь, что Бутурлинъ—отецъ поручилъ мнѣ переслать ему во Флоренцію огромное количество табаку. Черезъ Дурново я только что отправилъ ему послѣднюю часть этой клади, но вотъ въ чемъ бѣда! Для своего собственнаго употребленія я похитилъ двѣ коробки, въ общемъ одинъ фунтъ. Нельзя ли посвятить въ эту тайну добрую графиню Анну и упросить ее, на сколько возможно смягчить справедливый гнѣвъ графа Бутурлина, или же расположить въ мою пользу очаровательную мадемуазель Елизавету? Я получилъ еще письмо отъ князя Гагарина, но воздержусь и не сообщу тебѣ содержаніе его. Кромѣ портрета, Голицыны передадутъ тебѣ нѣсколько строкъ отъ меня. Ради Бога, не забудь сжечь мое письмо, посланное съ Дурново. Въ наше время никакая предосторожность не можетъ быть лишней. Я чувствую себя прекрасно, погода, хотя и хорошая, но холодно. Тысяча пожеланій, поклоновъ и поцѣлуевъ. Прощай, дорогой братъ.

Воскресенье, 2 сего Апрѣля 1826 года.

Извѣстно ли тебѣ, что Ливіо разорился и что я на самомъ дѣлѣ потерялъ треть своего содержанія? Вотъ какимъ образомъ судьба наказываетъ тѣхъ, кого любить!

Вторникъ.

Сегодня я заявилъ Италинскому о своемъ новомъ назначеніи. Ему было это непріятно. Старикъ привыкъ ко мнѣ. „Вотъ подходящий моментъ, чтобы предложить вашему брату пріѣхать ко мнѣ, если онъ хочетъ замѣнить васъ, напишите ему“. Таковы были слова уважаемаго старца. Рѣшай же, милый братъ. Съ одной стороны, тебѣ предстоитъ быть переписчикомъ и редакторомъ. Съ другой стороны, переписывать тебѣ придется рѣдко, но по крайней мѣрѣ ты будешь находиться подъ покровительствомъ ученаго и уважаемаго министра.

Римъ—чудное мѣстопробываніе для тѣхъ, кто любитъ древности, тамъ ты будешь въ полной безопасности отъ всякихъ сплетенъ, а кромѣ того я такъ хорошо знаю городъ и его обитателей, что твое пребываніе здѣсь будетъ лишь продолженіемъ моего. На что же, тебѣ надѣяться во время пребыванія въ Тосканѣ?—совсѣмъ не на что. Другое дѣло, если бы ты могъ смотрѣть на эту жизнь, какъ на

учебные годы; а здѣсь, кромѣ того, твои финансы были бы въ тысячу лучше, климатъ великолѣпно подходилъ бы для тебя, дружескія связи для тебя ужь готовы, а въ *случай надобности* я предоставилъ бы въ твое распоряженіе всѣ *необходимыя средства*. Такимъ образомъ, вотъ цѣлый миллионъ преимуществъ, и признаюсь, я былъ бы необыкновенно спокоенъ за тебя, зная, что ты устроился въ Римѣ. Но не нужно терять времени, и я прошу тебя, въ двухъ словахъ сообщи мнѣ свое окончательное рѣшеніе, и обязательно съ первой же почтой, потому что мнѣ, какъ можно скорѣе, нужно отвѣчать графинѣ Нессельроде, и я воспользовался бы этимъ обстоятельствомъ для того, чтобы говорить съ нею о твоихъ пожеланіяхъ; а ты пока съ своей стороны сдѣлай подобные же шаги. Повторяю, единственное, что могло служить тебѣ препятствіемъ, это необходимость быть переписчикомъ, но какъ знать, не ожидаетъ ли тебя подобная же участь при первомъ же новомъ начальникѣ? Значить, нужно зрѣлое размышленіе,—такіе случаи не всегда бываютъ въ нашемъ распоряженіи. Тебѣ останутся мои комнаты, со всѣми моими книгами, съ мебелью и прекраснымъ, обширнымъ видомъ изъ оконъ. Пріѣзжай въ Римъ, милый другъ. Италинскій сейчасъ же написалъ бы ко Двору, чтобы просить для тебя мое мѣсто. Я еще не получалъ никакого официальнаго извѣщенія о своемъ назначеніи. Обязательно нужно, чтобы кранъ пришелъ ко мнѣ на помощь и далъ бы мнѣ 2000 франковъ, если онъ не захочетъ, чтобы я истратилъ до послѣдней копѣйки всѣ свои деньги, предназначенныя для путешествія. Очень благодаренъ тебѣ за твое послѣднее письмо и за всѣ заключающіяся въ немъ новости. Ты какъ нельзя лучше употребилъ булавку Демидова, но я все таки полагаю, что лучше всего было бы обратить ее въ деньги. Я уѣду изъ Рима какъ только получу официальное назначеніе и уплачу свои долги, а пока нужно употребить всѣ усилія, чтобы задержать Голицыныхъ во Флоренціи, несмотря на то, что Альбини придеть въ отчаяніе, а причина этого—любовь Мишеля къ г-жѣ де Бомбелль. Послѣдняя—между нами будь сказано—могла бы послужить прекраснымъ орудіемъ для выполненія моихъ плановъ.—Вотъ письмо къ Демидову. Но прежде чѣмъ отвѣчать ему, тебѣ необходимо посвятить въ мои планы Дурново-отца и хитреца Нарышкина. Въ своемъ письмѣ я не хочу ничего предрѣшать, потому что гораздо лучше предоставить свободу великодушію нашего ближняго, крана. Вотъ та сдѣлка, которую я тебѣ поручаю: она нелегка, но я уповаю на Господа Бога.—И все устроится.

Въ посылкѣ отъ Пери, дорогой мой Мишель, находится прелестный портфель, чудной работы и удивительно удобный. Я буду бранить

Пери за такую большую трату. При подаркѣ есть письмо, въ которомъ она сообщаетъ, что весною де Мэстръ со всей семьей прїѣдетъ въ Италію. Слабое здоровье малютки заставляеть ихъ рѣшиться на это путешествіе, которое они начнутъ съ Ниццы. Такъ вотъ истинная причина молчанія де Мэстра; для меня этого вполне достаточно, чтобы успокоиться на счетъ того, помнить ли онъ меня.

Молодые Голицыны добрые ребята, но совершенныя дѣти. Они вовсе не созданы для путешествій, переѣзжаютъ съ мѣста на мѣсто, не извлекая изъ этого никакой пользы ни для своего образованія, ни для здоровья. У нихъ нѣтъ опредѣленныхъ или ясно выраженныхъ вкусовъ ни къ какому роду занятій; они любятъ женщинъ, но совершенно не умѣютъ выбирать самыхъ милыхъ. Г-жа Хитрово вчера вечеромъ прїѣхала въ Римъ, а въ воскресенье опять уѣдетъ во Флоренцію. Она ѣдетъ въ Москву на коронацію! Сдѣлай мнѣ одолженіе, дорогой Рафаэль, спроси у Піатти, есть ли у него перечисляемая мною книги, и сколько онѣ могутъ стоить.—Руководство къ изученію политическаго устройства Европейскихъ государствъ и ихъ колоній *Геерена*. О вліяніи крестовыхъ походовъ, *Геерена*. О политикѣ и торговлѣ древнихъ народовъ *Геерена*. Опытъ изученія духа и вліянія реформациі Лютера, *Карла Villers'a*. О созерцаніи природы, *Бонне*. Бесѣды объ измѣненіяхъ земного шара, *Кювье*. Исторія Папъ. Только что получилъ твое письмо. Вотъ пропуски для Огинскаго. Прощай. Отъ всей души цѣлую тебя.

Только время покажетъ, дорогой мой другъ, хорошо или дурно ты поступилъ, не захотѣвши замѣнить меня въ Римѣ: а пока я пишу графинѣ Нессельроде, ничего не упоминая о тебѣ, а старикъ, предложившій тебѣ мое мѣсто, легко успокоится. Я готовлюсь къ путешествію и читаю все, что попадетъ подъ руку, относительно страны, которую увижу. Я безъ малѣйшаго сожалѣнія покидаю Римъ, но тамъ остаются лица, дружескія отношенія которыхъ никогда не изгладятся изъ моей памяти. Единственное, что дѣйствительно тревожитъ меня, это долги, которыхъ за четыре года набралось порядочно, а что ставить меня въ величайшее затрудненіе, такъ это паденіе Ливіо, несомнѣнное паденіе, благодаря которому я теряю цѣлую треть, за Сентябрь прошлаго года. Изъ этого слѣдуетъ, что парижская сумма не вывела меня изъ затрудненія, а 150 экю Демидова не хватаетъ, чтобы устроить всѣ мои дѣла. Ахъ, я очень боюсь, какъ бы кранъ въ эту рѣшительную минуту не отказалъ мнѣ въ помощи: тогда мнѣ придется поду-

мать о займѣ, а гдѣ же мнѣ, чортъ возьми, найти его? Планъ ѣхать до Парижа вмѣстѣ съ кузенами основанъ на крайней необходимости совершенно ничего не тратить отъ Рима до Парижа; стало быть необходимо, чтобы эти господа не уѣзжали изъ Флоренціи, до тѣхъ поръ, пока я не приѣду къ нимъ, потому что какъ только Италинскій получить мое официальное назначеніе, я на слѣдующій же день уѣду изъ Рима. Я ничего не беру съ собой, кромѣ иконъ, писемъ Пери и нѣсколькихъ книгъ объ Испаніи, такъ что вся моя поклажа состоитъ изъ одного тощаго чемодана и портфеля, въ которомъ находятся мои любимыя вещи. Ахъ, дорогой Мишель, понимаешь ли ты, какъ я счастливъ при мысли, что снова увижу своего милого друга Пери, увижу послѣ долгой и печальной разлуки, теперь, когда прочныя узы уже соединяють насъ. Въ Римѣ всѣ окружающіе разрываются на части, чтобы женить меня на одной изъ дочерей Корсаковой, всѣ, кончая Италинскимъ, который сказалъ мнѣ однажды: „Право, она богатая невѣста, и лицомъ недурна.“ Но эти напрасныя усилія только убѣждаютъ ихъ въ непреодолимомъ моемъ отвращеніи къ тому, чтобы пожертвовать душевнымъ спокойствіемъ ради состоянія, на которое никогда нельзя рассчитывать.

Мое пребываніе во Флоренціи не можетъ не быть очень краткимъ, потому что я боюсь надолго задерживать кузеновъ въ сѣтяхъ г-жи де Бомбелль. Постарайся, на сколько возможно, расположить въ мою пользу доктора, дай ему почувствовать, какъ ему будетъ интересно, что я поѣду путешествовать вмѣстѣ съ *его воспитанниками*.

Повторяю, эту сдѣлку я поручаю именно тебѣ, она поможетъ тебѣ проявить всю свойственную твоему характеру ловкость. Немногіе имѣющіяся у меня книги я перешлю тебѣ съ извозчикомъ, а вмѣстѣ съ ними и прекрасный портретъ отца, сдѣланный карандашемъ для гравюры; потому что онъ немножко великъ для того, чтобы я могъ взять его съ собою; взамѣнъ я попрошу у тебя тотъ, съ котораго онъ былъ срисованъ. Въ Римѣ есть множество людей, жившихъ подолгу въ Мадридѣ: ихъ рассказы вовсе не ободряють меня, но и далеко не лишаютъ одушевляющей меня смѣлости, и положи руку на сердце я признаюсь, что по моему, Мадридъ я всегда предпочелъ бы Парижу и Лондону.—Какое огромное преимущество въ томъ, что я хорошо знаю характеръ своего будущаго начальника! То хорошее, что говорить о Мейндорфѣ заставляетъ меня забыть непріятности, которыя мнѣ пришлось услышать отъ злого Гагарина, а единственная вещь, которая, въ сущности, должна была бы доставить мнѣ большое удовольствіе, тревожить меня, а именно присутствіе *Панина*, у котораго

слишкомъ странные взгляды для того, чтобы они могли согласоваться съ моими. А между тѣмъ ты знаешь, какая тѣсная связь была между нами, и если я имѣю право жаловаться на его прежнее поведеніе, то вѣдь люди мѣняются, и на семь свѣтѣ мы можемъ быть увѣрены лишь въ настоящемъ.

Что касается рисунка, заказаннаго графиней Бутурлиной Брюлову, то я не перестаю подгонять художника, но онъ до такой степени занятъ работой надъ Рафаэлемъ въ Ватиканѣ, что это дѣло, повидимому, поглощаетъ все его время и всѣ его помыслы. Сдѣлай мнѣ еще одно одолженіе, спроси у Пятти, сколько стоитъ сочиненіе Ботта, о народахъ Италіи: оно мнѣ очень нужно, и я надѣюсь, что ты не заставишь меня долго ждать отвѣта. Я съ такимъ огромнымъ нетерпѣніемъ жду своего официальнаго назначенія, что день кажется мнѣ вѣчностью. Невозможно себѣ представить, что здѣсь плетутъ о петербургскихъ безпорядкахъ, а самыя животрепещущія новости передаются изъ устъ въ уста во всѣхъ классахъ общества. Честное слово, итальянцы сошли съ ума. Смерть Матвѣя Монморанси произвела сильное впечатлѣніе на его двоюроднаго брата, находящагося въ Римѣ. Это былъ его близкій другъ и единственная его поддержка. Посланникъ уѣхалъ изъ Рима и на нѣсколько дней отправился въ *Пало*. Прощай, дорогой братъ, да благословить тебя Господь.

Римъ, 9 Апрѣля 1826 года.

Надѣюсь быть во Флоренціи черезъ двѣ недѣли. Знаешь, что въ Петербургѣ не на шутку разыскиваютъ общество зеленой лампы, членомъ котораго я состоялъ семь лѣтъ тому назадъ?—Это потому, что и Трубецкой былъ членомъ этого общества. Еще разъ прощай.

Вторникъ.

Я получилъ твое длинное письмо, достойный другъ мой, а съ сегодняшней почтой отправляю Демидову еще болѣе длинное, въ которомъ говорю, что ты на словахъ скажешь ему все, о чемъ я не пишу въ вышеупомянутомъ письмѣ, т. е. относительно суммы, которую я хотѣлъ бы получить отъ него для покрытія моихъ долговъ.

Безъ этого „*sine qua non*“ я не тронусь изъ Рима. Ты отлично видишь, что это лишь угроза. Вчера я получилъ отъ него сразу два письма; онъ косвеннымъ образомъ отказывается прійти мнѣ на помощь, и между прочимъ говоритъ: „конечно, я былъ бы очень радъ помочь вамъ, но *разумно*“, это значить, что онъ хочетъ отбѣхать на 500 рублѣхъ. Мало! слишкомъ мало! Въ настоящее время это единственная

вещь, которая меня беспокоитъ, и мучаетъ меня! Когда же кончится эта неизвѣстность и когда буду я на пути во Флоренцію? Я пробуду у васъ съ недѣлю, потому что боюсь, вопреки ихъ средствамъ, надолго задерживать кузеновъ въ объятіяхъ новой Армиды. Кошка, а не Армида! Не намекай мнѣ на Мадридъ, я увѣренъ, что еще вернусь въ Италію и вмѣстѣ съ тобою буду прогуливаться подъ сѣнью каштановъ или у римскихъ раскопокъ. Ты очень плохо поступаешь, задерживая посылку Гагарина; въ ней находятся письма графини Нессельроде, которыя могутъ быть нужны ему; такъ пошли же ее немедленно въ Сіенну. Наши московскія дамы проѣхали черезъ Флоренцію; мать ищетъ свою дочь; положеніе довольно забавное, вѣдь Ницца и Флоренція не по пути. Мужъ Лидіи горячая голова! Тутъ что то да есть. Я получилъ аккредитивы. Все будетъ исполнено. А пока стараю отъ нетерпѣнія узнать содержаніе письма Антонины, потому что я ужъ косвеннымъ путемъ кое что узналъ изъ устъ княгини. Плохо, очень плохо! Я рассчитываю на твое обѣщаніе—какъ можно дольше задержать Голицыныхъ во Флоренціи, потому что я вѣдь погибшее дитя, если упущу этотъ единственный, единственный благоприятный случай!

Путешествовать вмѣстѣ съ ними. *Avete capito?* (Поняли?) Мнѣ тяжело видѣть, что есть лица, искренно сожалеющія о томъ, что я увѣжаю изъ Рима и я обвиняю себя насчетъ тѣхъ, кто придерживается политики Макіавели. Въ сущности, что такое жизнь, люди, Мадридъ и Римъ? Картина, которая поблѣднѣетъ и отъ которой черезъ нѣсколько лѣтъ не останется и слѣда. Прощай. Про какія копіи ты меня спрашивалъ? Какія письма къ Боссомдрони? Я ни слова не слышалъ о нихъ. Погода восхитительная! Пери, Пери! вотъ что никогда не померкнетъ въ моихъ глазахъ.

С. не жалѣю. Не въ свои сани садились,—а разума было не мало!—

Мое официальное назначеніе все еще не получено, дорогой другъ, но теперь оно ужъ не можетъ надолго запоздать. А пока я наслаждаюсь послѣдними днями своего пребыванія въ Римѣ и сегодня утромъ, пользуясь наилучшей въ мірѣ погодой, мы, кампаніей въ 25 человѣкъ, отправляемся на пикникъ въ Фраскати. Сдѣлай одолженіе, скажи кузенамъ, что рисунки Кэтъ и Пинелли совсѣмъ готовы, что два первыхъ стоятъ 10 луйдоровъ, а послѣдній 3 луйдора. Меня

торопяты, чтобы я ихъ взялъ, а у меня нѣтъ ни гроша въ карманѣ. Прощай. А письмо Антонины? Мои привѣтствія мадемуазель Лотцъ.

Въ ожиданіи своего официальнаго назначенія я начинаю укладывать всѣ свои книги, и не дожидаясь своего отъѣзда изъ Рима. пошлю ихъ тебѣ съ первымъ же извозчикомъ, который согласится взять на себя это порученіе, и предупреждаю тебя объ этомъ для того, чтобы ты заранѣе могъ принять необходимыя мѣры. Моя библіотека невелика, но въ ней есть очень хорошія книги, и за все можно дать до 100 піастровъ. Благодарю тебя за выдержки изъ петербургскаго журнала. Мое назначеніе на мѣсто *второго* секретаря въ Мадридъ есть повышение; я замѣняю Панина, и откровенно сознаюсь тебѣ, что несмотря на искреннюю привязанность къ этому человѣку, при его характерѣ я не могу избавить себя отъ тысячи непріятностей. Такимъ образомъ, я почти доволенъ тѣмъ, что онъ отозванъ. Что касается чина, мнѣ сказали на ушко, что я буду представленъ передъ отъѣздомъ изъ Рима, а я не уѣду отсюда, не получивши также и твоего представленія, потому что, честное слово, мы оба этого заслуживаемъ. Чинъ—это самое лучшее, потому что въ настоящее время просить камеръ-юнкера значило бы. слишкѣмъ выставлять себя на показъ, такъ сказать, воспользоваться своимъ обычнымъ положеніемъ, тогда какъ столькимъ лицамъ отрѣзаны всѣ пути къ почестямъ. Однимъ словомъ, ты меня поймешь. Довольно.

1. Исполнилъ ли ты порученіе на счетъ табаку, и достаточно ли ловко намекнулъ, что я оставилъ двѣ коробки для своего личнаго употребленія. Этотъ вопросъ непременно нужно освѣтить, потому что отчасти отъ него зависитъ, окажется ли мнѣ хорошій пріемъ семейство Бутурлиныхъ.

2. Сколько стоитъ Исторія народовъ Ботта? Здѣшній книготорговецъ представилъ мнѣ только общій счетъ и никакъ не могъ мнѣ сказать, сколько стоитъ каждая книга въ отдѣльности.

3. Повліять на Голицыныхъ, чтобы они прислали изъ Ливурно въ Испанію портфель и нѣсколько книгъ.

4. Сообщить мнѣ содержаніе письма Антонины.

5. Сказать Строганову, что ему нѣтъ писемъ.

Письмо Охотникову было передано своевременно.

Всѣ они уѣхали въ Неаполь, и только Толстой остался въ Римѣ. Я обращаюсь съ нимъ необыкновенно небрежно, но ни съ кѣмъ не хочу сблизаться, если только меня не обязываетъ къ этому извѣстный возрастъ или какія нибудь особыя заслуги. Отъ Демидова я получилъ письмо, въ которомъ онъ говоритъ, что его со всѣхъ сторонъ осыпають насмѣшками! Онъ не отказываетъ мнѣ въ денежной помощи, но ждетъ моего прїѣзда во Флоренцію, чтобы устроить всѣ мои дѣла. Мнѣ не нравится. А пока я уплачу свои долги деньгами, предназначенными на дорогу и во что бы то ни стало тотчасъ же соберусь въ путь. Демидовъ предлагаетъ мнѣ прекрасное помѣщеніе у себя, но я остановлюсь только у тебя. Такъ будетъ вѣрнѣе. Я все еще не отвѣтилъ графинѣ Нессельроде, потому что я *на свой счетъ* заказалъ для нея нѣсколько рисунковъ, которые будутъ приложены къ моему письму. *Я сдѣлаю изъ нея покровительницу.*

Прощай, голубчикъ. Передай отъ меня тысячу привѣтствій г-жѣ Лотцъ и Аннетъ, которыхъ я увижу съ большимъ удовольствіемъ.

18 сего Апрѣля 1826 года.

Четвергъ.

Во всѣхъ отношеніяхъ не могу не считать повышеніемъ свое новое назначеніе, дорогой мой Рафаэль. Панинъ занималъ мѣсто Второго Секретаря; если же Указъ гласитъ, что я назначенъ Вторымъ Секретаремъ, а Панинъ уѣзжаетъ изъ Мадрида, стало быть замѣняю его я; я же получу и жалованіе отъ общественныхъ щедротъ. Поэтому всѣ согласны съ тѣмъ, что мое новое мѣсто есть повышение. Сегодня утромъ почта не принесла мнѣ ничего опредѣленнаго, и я боюсь, какъ бы Альбини не потерялъ терпѣнія и не принялъ крайнихъ мѣръ. Твоя ловкость доставила мнѣ удовольствіе; въ то же время и огорчила меня. Кузены говорили тебѣ о моихъ книгахъ, число ихъ очень ограничено, но это хорошія книги, а главное, въ очень хорошихъ изданіяхъ.

Вотъ главные изъ нихъ:

Исторія Варки	1 томъ	} великолѣпныя изданія in folio, за 50 франковъ.	
„ Сегюи	1 томъ		
Данте, съ рисунками		} 5 томовъ, это изданіе стоило мнѣ больше 160 франковъ	
Пинелли			
Исторія Гвикардини			5 томовъ
Исторія живописи Ланчи			3 тома

и т. д. и т. д. Ахъ, если бы мнѣ дали жалованье за цѣлый годъ.— Ты не можешь себѣ представить, сколько мнѣ нужно заплатить передъ отъѣздомъ, а всѣ мелкіе подарки и награды, которыя я долженъ сдѣлать въ Римѣ тѣмъ, кто мнѣ служилъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и имѣетъ право на эти знаки моей признательности. Мой слуга, слуги дома Италинскаго, его ключница, хозяйка дома, гдѣ я живу и т. д. У меня голова идетъ кругомъ. Сегодня вечеромъ меня выберутъ членомъ Академіи Св. Луки, прославившейся своими литературными и археологическими трудами; такимъ образомъ, до отъѣзда изъ Рима я сдѣлаюсь членомъ четырехъ академій. Для будущаго это хорошо. Я собралъ 6 великолѣпныхъ рисунковъ, которые не замедлю переслать по ихъ высокому назначенію, и которыя, надѣюсь, заслужатъ чины намъ обоимъ! Повторяю, я не уѣду отсюда раньше, чѣмъ не получу этой милости. Какъ только придетъ мое официальное назначеніе, для меня будутъ просить аудіенціи у папы, я найму экипажъ и поѣду съ прощальными визитами ко всѣмъ знакомымъ. А ты, тѣмъ временемъ, приложи всѣ усилія для того, чтобы Голицыны не уѣхали изъ Флоренціи до тѣхъ поръ, пока я не приѣду туда. Велико мое желаніе совершить путь отсюда до Парижа съ *удобствами*, вдоволь насмотрѣться на югъ Франціи, а для меня это единственный въ мірѣ случай.

Толстой уѣхалъ во Флоренцію сегодня утромъ.

Назначенія все еще нѣтъ, дорогой мой другъ, я взбѣшенъ и не понимаю, что такое могло вызвать такую задержку и очень опасаясь какъ бы мой предшественникъ самъ не приѣхалъ извѣстить меня о днѣ моего отъѣзда. Ась! А пока сдѣлай мнѣ одолженіе, попроси для меня *пропуски* и пришли мнѣ сюда. Я укладываю свои книги и намѣреваюсь отправить ихъ до отъѣзда изъ Рима. Мы будемъ вмѣстѣ распаковывать ихъ.

„О вѣй попутный вѣтръ, вѣй мощными устами
„Въ вѣтрило кораблей.

„Прощай.

„Возстали злобныя народы.
„По Робеспіеровымъ стопамъ,
„Изъ полной чаши пьютъ свободы
„Преступну ненависть къ Царямъ!“

Четвергь.

Какъ быть? ангелъ мой. Было бы больше чѣмъ непростительно заставлятъ Голицыныхъ томиться въ объятіяхъ новой Армиды. Мое назначеніе, которое все не приходитъ, возобновившаяся лихорадка и безпокойство, справедливое безпокойство Альбини, слишкомъ уважительныя причины, для того, чтобы я могъ рассчитывать на ихъ дальнѣйшее пребываніе во Флоренціи. Сегодня утромъ я получилъ прелестное письмо отъ Свѣчиной, она извѣщаетъ меня о томъ, что мое жалованіе *будетъ увеличено больше, чѣмъ вдвое*. Она пишетъ объ успѣхѣ, который одержали нѣкоторыя мои размышленія о событіяхъ дня, изложенныя въ одномъ изъ моихъ писемъ. Правда, это были однѣ изъ самыхъ сокровенныхъ моихъ помышленій, а поведеніе Свѣчиной является блестящимъ доказательствомъ ея расположенія. Послѣ такого доказательства считаешь ли ты меня способнымъ цѣнить женщинъ и выбирать друзей? Чтобы ты могъ познакомиться съ содержаніемъ письма Свѣчиной, посылаю его тебѣ, и убѣдительно прошу тебя, съ первой же почтой возврати мнѣ его обратно вмѣстѣ съ письмомъ графа де Мэстра; потому что я никогда не разстанусь съ перепиской этихъ двухъ лицъ, и мнѣ пріятно всегда имѣть ее у себя. А вотъ новая сдѣлка.

Ко мнѣ явился молодой Итальянецъ, который долженъ былъ поступить ко мнѣ на службу; онъ произвелъ на меня самое лучшее впечатлѣніе, а въ домѣ министра его отлично знаютъ; потому что вѣдь отъ слугъ можно узнать самыя точныя свѣдѣнія о поведеніи и характерѣ имъ подобныхъ. Я не захотѣлъ упустить такого удобнаго случая; захотѣлъ принять его къ себѣ на службу; такъ хотѣлось бы узнать, можно ли мнѣ взять его съ собою. Поэтому только Голицыны могутъ рѣшить этотъ вопросъ; потому что, если я не смогу ухъать вмѣстѣ съ кузенами, мнѣ никакъ не обойтись безъ слуги. Однако слугу всегда необходимо имѣть. Я напишу нѣсколько благодарственныхъ словъ Нарышкину.

Подвиньте же немножко дѣло о портфель, который становится мнѣ такъ необходимъ, такъ же какъ и путешествіе Лаборда, послѣднее, что было написано объ Испаніи. Я написалъ чрезвычайно удачное письмо въ Археологическую Академію, которая прислала мнѣ дипломъ вмѣстѣ съ посланіемъ ко мнѣ, необычайно льстиво написаннымъ. Завтра меня будутъ избирать членомъ въ *двухъ* новыхъ академіяхъ. И я уѣду изъ Рима съ пятью научными дипломами. Достаточно? Не слишкомъ ли много? Развѣ не лучше, чѣмъ ничего?—

Если моя родственная обязанность требует не задерживать больше кузеновъ, тогда намъ нужно назначить другъ другу свиданіе въ Генцѣ. Тогда они уѣдутъ изъ Флоренціи, а я поспѣшу пріѣхать къ нимъ. Печальное стеченіе обстоятельствъ! Прощай.

Задержка моего официальнаго назначенія начинаетъ меня серьезно тревожить. Какъ же! Въ газетахъ было написано давнымъ давно, а изъ министерства до сихъ поръ ни единого слова? Развѣ мое замѣщеніе должно подкрасться незамѣтно и пріятно меня ошеломить? Послѣ своего назначенія въ Мадридъ, я съ каждымъ днемъ становлюсь все болѣе чуждымъ нашей канцеляріи, гдѣ первый секретарь заводитъ новые порядки, которые будутъ очень затруднительны для вновь поступившаго. Слишкомъ большого усердія не хватитъ на долю и черезчуръ яркій свѣтъ только сгуститъ сумерки, которые настанутъ, какъ только онъ погаснетъ. Знаешь, кранъ прислалъ мнѣ 200 экю, а его письмо начинается очень странно: „Вы никогда не угадаете, кто мнѣ сказалъ, что въ Римѣ вы надѣлали долговъ“. Не старикъ ли это, или Нарышкинъ, или Фанни? Я не могу догадаться. Наконецъ, исчерпавъ всѣ источники, я въ состояніи уѣхать изъ Рима и пріѣхать въ Мадридъ совершенно спокойно. У меня волосы становятся дыбомъ при мысли о долгахъ, которые накопились у меня въ Римѣ, можно ли повѣрить, ихъ вѣдь до 8000 франковъ! Ась? Признаюсь, что PROVIDENCE чудесно выручало меня, и я чувствую, что выздоровѣлъ совершенно, потому что нѣтъ болѣе тяжелой болѣзни, чѣмъ долги и болѣшаго мученія, чѣмъ чувство безденежья. Неудовольствіе путешественника нисколько меня не удивляетъ, а оно покажется тебѣ совсѣмъ обыкновеннымъ, когда, ты узнаешь, что у него были отняты всѣ полномочія, и что допросы, которые онъ долженъ былъ сдѣлать, выражены самымъ яснымъ образомъ, такъ что, потерявъ возможность поступать, какъ ему угодно, ему не оставалось ничего другаго: кромѣ, какъ дѣйствовать въ указанномъ ему смыслѣ. Кромѣ того онъ упорно просилъ объ отправкѣ гонца, и даже эта просьба не имѣла успѣха, потому что развѣ человѣкъ можетъ самъ управлять обстоятельствами или равносильными имъ побудительными причинами? Твоя сыпь меня очень огорчаетъ, дорогой другъ, и я думаю, что нужно потерпѣть, вѣдь есть травяной отваръ, тѣмъ болѣе, что время года самое благоприятное для его употребленія, затѣмъ купанье и полнѣйшее воздержаніе отъ женщинъ, вина и всякихъ чрезмѣрныхъ упражненій. все это можетъ дать быстрое выздоровленіе. Мое здоровье удивительно крѣпкое. Въ послѣднемъ письмѣ кранъ упрекаетъ меня въ томъ, что я

не использовалъ пребыванія кузеновъ въ Римѣ и не занялъ у нихъ денегъ! Тебѣ онъ ставитъ мнѣ въ примѣръ. Правда, я никогда ничего не просилъ у нихъ. но тѣмъ лучше, если я никогда не подумалъ объ источникѣ, который можетъ быть тебѣ полезенъ?

Судя по всему содержанію письма и особенно по заключительной припискѣ, онъ не сомнѣвается въ томъ, что именно *Альбини* такъ ловко услужилъ мнѣ въ моихъ дѣлахъ съ краномъ, потому что его особое ко мнѣ благоволеніе есть настоящій даръ небесъ. Ты пишешь мнѣ о дипломѣ для Альбини, не говоря о томъ, кто обѣщаль ему это устроить и членомъ какой академіи онъ хочетъ, и надѣется быть?

Въ прошлый разъ я былъ громогласно *провозглашенъ* членомъ Археологической Академіи, и мнѣ рукоплескали въ *чрезвычайномъ* за сѣданіи, на которомъ присутствовало нѣсколько кардиналовъ. Со всѣхъ сторонъ меня поздравляли и мое избраніе не замедлило на другой же день появиться въ газетахъ. Вотъ что значитъ имѣть друзей! Графъ Бутурлинъ далеко не уйдетъ со своими строгими правилами, а я похитилъ для своего личнаго употребленія только двѣ жалкихъ коробки его превосходнаго табаку. У меня въ комнатахъ такъ хорошо пахло этимъ табакомъ, что я не выдержалъ искушенія, и если разговоры объ этомъ не прекратятся, я напишу прямо ему и дамъ ему почувствовать всю непристойность его правилъ. Ась! Каково! Я же виновать, да я же и дуоусь! Мой ящикъ совсѣмъ уложенъ; я пошлю его, какъ только моментъ покажется мнѣ благопріятнымъ и постараюсь освободить его отъ всякаго таможеннаго сбора. Тебѣ останется только открыть его. Мишель влюбленъ, это прекрасно, но, повторяю, въ порывѣ увлеченія не надо забывать объ обѣщанныхъ книгахъ про Испанію, а Теодоръ, ничѣмъ не занятый, отлично могъ бы прислать мнѣ десять лудировъ для передачи Кэтъ за два великолѣпныхъ рисунка—замка и бури.

Я также не прошу ему трехъ лудировъ за рисунокъ Пинелли. Ась! Если правда, что Панинъ, какъ второй секретарь посольства, получалъ 8 тысячъ франковъ, я думаю, что нѣтъ поводовъ къ тому, чтобы и мнѣ было въ нихъ отказано, а для того, чтобы мнѣ ихъ дали, есть тысяча причинъ.

Чего я совсѣмъ не предполагаю, такъ это того, что мнѣ соблаговолятъ дать *годовое* жалованіе на путевыя издержки, но если министръ дѣйствительно желаетъ мнѣ въ этомъ отношеніи добра, то те-

перь я даю слово, что не заблуждаюсь на счетъ своихъ денежныхъ дѣлъ, и обещаю, что дамъ тебѣ тысячу франковъ на чрезвычайные расходы. Ась! Ахъ, милый другъ! наше блаженство увидѣть снова милую Пери! „Какое счастье возобновится послѣ годовой, тягостной разлуки, неразрывный союзъ дружества. Я встаю, засыпаю съ этимъ помышленіемъ и дни мнѣ кажутся годами съ тѣхъ поръ, какъ я въ надеждѣ скоро свидѣться съ нею въ Парижѣ. Заключаю мое письмо дружескимъ лобызаніемъ“.

